

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.08.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-8-84-91

Дата принятия рукописи в печать: 31.08.2026 г.

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Научно-исследовательского института Федеральной службы
исполнения наказаний России, Москва, Россия,
e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Аннотация. В статье исследуется современное состояние цифровизации уголовного судопроизводства в Российской Федерации через призму электронного документооборота, дистанционного участия в судебном заседании и перспектив нормативного закрепления электронного уголовного дела. Обосновывается, что действующее регулирование уже сформировало правовую основу для электронных документов на судебной и досудебной стадиях, однако пока не создало целостной модели цифрового уголовного производства. Выявлены ключевые риски: фрагментарность правового режима, зависимость процессуальных прав от технической возможности, неопределенность статуса цифрового массива материалов дела, проблема конфиденциальной связи защитника с подзащитным при видеоконференц-связи, а также сохранность и верифицируемость электронных доказательственных данных. Предложена концепция поэтапного перехода к электронному уголовному делу при сохранении бумажного резервного контура и усилении судебного контроля за цифровыми ограничениями прав участников процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс; цифровизация; электронное уголовное дело; электронный документ; видеоконференц-связь; электронные доказательства; судебное производство; право на защиту.

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,

PhD in Law, Senior Researcher of Research Institute of the Federal
Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

ISSUES OF DIGITALIZATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Annotation. The article examines the current state of digitalization of Russian criminal proceedings with regard to electronic document flow, remote participation in court hearings and the prospective legal model of an electronic criminal case. It is argued that Russian legislation has already created a basis for the use of electronic documents at judicial and pre-trial stages, but has not yet formed an integrated model of digital criminal proceedings. The article identifies procedural risks and proposes a gradual transition to an electronic criminal case while maintaining effective guarantees of defense, judicial control and evidentiary reliability.

Key words: criminal procedure; digitalization; electronic criminal case; electronic document; video conference; electronic evidence; judicial proceedings; right to defense.

Введение

Цифровизация уголовного процесса в России вышла из стадии вспомогательного судебного делопроизводства и перешла в стадию процессуального переустройства отдельных институтов. Если первоначально электронная форма воспринималась как способ подать жалобу или получить копию судебного акта, то сегодня она затрагивает порядок участия подсудимого в судебном заседании, направление процессуальных документов на досудебной стадии, проведение отдельных следственных действий с применением видеоконференц-связи, а также перспективу формирования электронного уголовного дела. Такое изменение не является техническим: оно ме-

няет структуру процессуального общения, режим доступа к материалам дела, способы фиксации доказательственной информации и пределы реализации права на защиту.

Актуальность темы определяется тем, что уголовное судопроизводство традиционно отличается наибольшей степенью формализации и наибольшей ценой процессуальной ошибки. В гражданском и административном процессе электронный документооборот может рассматриваться прежде всего как инструмент доступа к суду. В уголовном процессе тот же инструмент немедленно сталкивается с презумпцией невиновности, тайной предварительного расследования, правом не свидетельствовать против себя,

необходимостью личного участия подсудимого и особым значением непосредственного исследования доказательств. Поэтому цифровизация уголовного процесса должна оцениваться не по критерию удобства ведомственного документооборота, а по критерию сохранения и усиления процессуальных гарантий.

Цель статьи состоит в том, чтобы определить, в какой мере действующее российское регулирование электронных документов и дистанционного участия уже создает контуры электронного уголовного дела, а также какие законодательные решения необходимы для перехода от фрагментарной цифровизации к системной модели уголовного судопроизводства. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и прогностический методы. Нормативная база анализа включает УПК РФ, федеральные законы о внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство, акты Верховного Суда Российской Федерации и Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

1. От электронного обращения к цифровому уголовному производству

Первый этап процессуальной цифровизации в судах общей юрисдикции был связан с легализацией электронных обращений и электронных образов документов. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ создал межпроцессуальную рамку применения электронных документов в деятельности органов судебной власти, а последующее разъяснение Верховного Суда Российской Федерации закрепило базовые понятия: «документ в электронном виде», «электронный образ документа», «электронный документ», «личный кабинет» и «система автоматизации судопроизводства». Для уголовного процесса это имело особое значение, поскольку легализовало не только электронную коммуникацию с судом, но и возможность процессуального признания электронного носителя как формы обращения участника уголовного судопроизводства [4].

Однако уже на этом этапе проявилось отличие уголовного процесса от иных видов судопроизводства. Электронная форма обращения не отменяет требований к допустимости, относимости и достоверности доказательств, не заменяет протоколирование судебного действия и не устраняет обязанность суда обеспечить равенство сторон. Более того, электронный канал связи может стать самостоятельным фактором ограничения прав, если доступ к нему зависит от технической оснащенности учреждения, наличия квалифицированной электронной подписи, подтвержденной учетной записи либо от состояния информационной системы. Тем самым цифровизация вводит в уголовный процесс новый вид

процессуального условия — техническую возможность.

Именно эта категория является одной из наиболее проблемных. Законодатель неоднократно использует формулу «при наличии технической возможности», но не раскрывает ее процессуального содержания и не устанавливает единый порядок проверки ее отсутствия. Между тем в уголовном процессе отсутствие технической возможности может означать не нейтральный организационный сбой, а отказ от более быстрого получения копии документа, невозможность оперативного заявления ходатайства или затруднение участия в судебном заседании. Поэтому техническая невозможность должна быть не фактическим оправданием, а процессуально фиксируемым обстоятельством, подлежащим мотивировке и последующей проверке.

Порядок подачи документов в электронном виде в федеральные суды общей юрисдикции, утвержденный Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, имеет важное прикладное значение, поскольку переводит общие нормы процессуальных кодексов в режим конкретных действий пользователя: создание личного кабинета, загрузка электронного образа документа, подписание электронной подписью, направление через официальный сайт суда. Но для уголовного процесса такой порядок должен рассматриваться лишь как инфраструктурный слой. Его нельзя отождествлять с полноценным электронным уголовным делом, поскольку он не определяет внутреннюю структуру материалов дела, правила их формирования органами расследования, стандарты неизменности файлов, пределы доступа сторон и порядок судебной проверки цифровой целостности [9].

2. Новые нормы УПК РФ: судебная и досудебная электронная форма

Современное состояние регулирования характеризуется тем, что в УПК РФ появились самостоятельные нормы об электронных документах в ходе судебного и досудебного производства. Статья 474.1 УПК РФ регламентирует использование электронных документов в судебном производстве: ходатайство, заявление, жалоба или представление, не содержащие охраняемой законом тайны, при наличии технической возможности могут быть поданы в суд в форме электронного документа и подписываются усиленной квалифицированной электронной подписью, если иное не установлено кодексом. Такая конструкция делает электронный документ не факультативной перепиской, а процессуальной формой действия участника [1].

Более существенным шагом стало введение статьи 474.2 УПК РФ, посвященной электронным документам в ходе досудебного произ-

водства. Эта норма распространяет электронную форму на ходатайства, заявления, жалобы, представления и требования, адресуемые прокурору, следователю, руководителю следственного органа, органу дознания и дознавателю. Одновременно законодатель установил важные исключения: электронная форма не применяется к заявлению о преступлении, а также к материалам, содержащим государственную или иную охраняемую законом тайну, сведения, затрагивающие безопасность государства, права несовершеннолетних или данные о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [1].

Системное значение статьи 474.2 состоит в том, что она впервые выводит электронную форму за пределы суда и связывает ее с досудебной процессуальной деятельностью. Тем самым преодолевается прежняя асимметрия: суд мог получать электронные документы, но предварительное расследование оставалось преимущественно бумажным. Вместе с тем норма пока не создает электронного уголовного дела как единого цифрового объекта. Она регулирует отдельные документы и отдельные способы их направления, но не отвечает на вопросы о том, что является оригиналом электронного материала, кто отвечает за его цифровую целостность, каким образом фиксируется история доступа и изменений, как сторона защиты получает массив материалов в машиночитаемом и проверяемом виде.

Особого внимания заслуживает правило о возможности изготовления и направления электронных копий постановлений, обвинительного заключения, обвинительного акта, обвинительного постановления и иных процессуальных документов. Это положение имеет несомненный потенциал для ускорения процесса и снижения издержек, особенно в многоэпизодных делах. Но оно одновременно обостряет вопрос о равенстве доступа. Если обвиняемый содержится под стражей, цифровой формат не должен превращаться в формальную передачу файла, который невозможно полноценно изучить, аннотировать, сопоставить с доказательствами и обсудить с защитником. Законодательное решение о предоставлении технического устройства для чтения электронных документов является важным, но минимальным, а не исчерпывающим гарантийным стандартом [7].

Поэтому электронное уголовное дело должно пониматься не как сканированная копия бумажного дела и не как папка файлов, а как процессуально достоверный цифровой комплекс материалов, имеющий установленную структуру, метаданные происхождения, журнал доступа, механизм проверки неизменности и правила предоставления сторонам. Без такого понимания циф-

ровизация будет воспроизводить бумажную модель, лишь меняя носитель. В результате сохранится главный недостаток нынешнего периода: электронные документы уже допускаются, но электронная процессуальная среда еще не создана.

3. Дистанционное участие и право на защиту

Второй блок цифровизации уголовного судопроизводства связан с применением видеоконференц-связи. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ дополнил УПК РФ статьей 189.1, позволив проводить допрос, очную ставку и опознание с использованием систем видеоконференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование. Законодатель одновременно установил специальные гарантии: обязательность видеозаписи, приобщение материалов видеозаписи к протоколу, подписание необходимых документов по месту нахождения участника, запрет применения ВКС при риске разглашения тайны или данных о защищаемом лице. Эти положения показывают, что дистанционная форма в уголовном процессе допустима только как усложненная форма, а не как упрощение процессуальной процедуры [5].

Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 610-ФЗ пошел дальше и ввел статью 241.1 УПК РФ об участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи. Сама структура нормы компромиссна: подсудимый участвует непосредственно, но суд при наличии технической возможности вправе по ходатайству подсудимого принять решение о его дистанционном участии; кроме того, дистанционная форма допускается при обстоятельствах, исключающих непосредственное участие. При рассмотрении дела с участием присяжных заседателей участие подсудимого посредством ВКС запрещено, что отражает повышенное значение личного восприятия подсудимого коллегией присяжных [6].

Ключевой гарантией статьи 241.1 является обязательное участие защитника в случае дистанционного участия подсудимого и обязанность обеспечить беспрепятственное конфиденциальное общение защитника с подсудимым, поддерживаемым под стражей. Именно здесь концентрируется центральная проблема цифрового уголовного суда. Формальное присутствие адвоката в заседании не означает эффективной защиты, если адвокат не может без контроля третьих лиц обсудить позицию, реакцию на показания свидетеля, необходимость заявления ходатайства или вопрос о признании доказательства недопустимым. Следовательно, при ВКС должна быть предусмотрена не только связь «суд — учреждение», но и защищенный канал «защитник — под-

защитный», доступный до заседания, в перерывах и непосредственно после исследования значимых доказательств.

Дистанционное участие иных лиц — потерпевших, свидетелей, специалистов, экспертов — также не является нейтральной заменой личной явки. Суд оценивает не только содержание показаний, но и условия их дачи: самостоятельность ответа, отсутствие подсказок, возможность восприятия предъявляемых материалов, соблюдение порядка предупреждения об ответственности. При ВКС эти параметры должны быть специально удостоверены судом, иначе непосредственность судебного разбирательства превращается в техническую трансляцию без полноценной процессуальной верификации.

В доктрине справедливо отмечается, что применение видеоконференц-связи дает преимущества в экономии времени, обеспечении безопасности и доступности судебного участия, но порождает риски снижения качества коммуникации и ослабления гарантий состязательности. Для уголовного процесса это означает необходимость презумпции очного участия по существу обвинения и допустимости дистанционной формы только при наличии мотивированного решения суда, проверяемых технических условий и процессуального механизма немедленного устранения нарушений связи [12].

4. Электронные доказательства и цифровая целостность материалов дела

Цифровизация уголовного судопроизводства неизбежно связана с ростом значения электронных доказательственных данных. В уголовном процессе России термин «электронные доказательства» не получил самостоятельного нормативного закрепления, однако цифровая информация фактически присутствует в виде электронных документов, файлов, аудио- и видеозаписей, сведений биллинга, данных информационных систем, переписки, цифровых следов финансовых операций и результатов компьютерно-технических экспертиз. Вопрос состоит не в том, признавать ли такие данные доказательствами, а в том, как обеспечить их собирание, проверку, хранение и исследование в процессуальной форме.

Электронное уголовное дело требует особой модели доверия. В бумажном деле доверие обеспечивается подлинником, подписью, печатью, нумерацией листов и физической сохранностью тома. В цифровой среде аналогичную функцию должны выполнять усиленная электронная подпись, метка времени, криптографическая фиксация контрольной суммы, журнал действий пользователя, резервное хранение и возможность независимой проверки неизменности материала. Без этого электронный документ остается юридически допустимым, но доказательственно

уязвимым.

Особая проблема состоит в разграничении электронного документа и электронного образа документа. Электронный образ фиксирует бумажный оригинал, тогда как электронный документ изначально создается в цифровой форме. Для уголовного дела это различие принципиально. Скан протокола следственного действия не равен протоколу, составленному и подписанному как электронный документ. Электронная копия обвинительного заключения не тождественна электронному оригиналу процессуального документа. Поэтому законодатель должен закрепить презумпцию: при наличии электронного оригинала именно он имеет приоритет перед распечаткой или сканированным образом, если его подлинность подтверждена установленными техническими и процессуальными средствами.

Не менее значим вопрос о доступе защиты к цифровым материалам. Бумажное ознакомление с делом предполагает возможность делать выписки, копии, замечания, сопоставлять документы. Электронное ознакомление должно предоставить функционально эквивалентные возможности: поиск по тексту, выгрузку разрешенных копий, фиксацию закладок, проверку перечня материалов, отметку о времени доступа, получение протокола ознакомления. Нельзя считать право на ознакомление реализованным, если сторона защиты получает только просмотр без возможности эффективной навигации по материалам большого дела.

В перспективе электронное уголовное дело должно включать не только материалы в формате PDF, но и структурированные данные: сведения об участниках, процессуальные сроки, перечень доказательств, статусы ходатайств, историю судебных решений. Но структурирование не должно превращаться в алгоритмизацию обвинения. Любые аналитические инструменты, включая элементы искусственного интеллекта, в уголовном процессе допустимы лишь как вспомогательные средства организации информации, но не как источник вывода о виновности, мере пресечения или достоверности показаний. В противном случае цифровизация будет конфликтовать с принципами свободной оценки доказательств и личной ответственности суда за итоговое решение.

5. Концепция электронного уголовного дела: необходимые элементы

Научная дискуссия об электронном уголовном деле ведется не первый год. В литературе электронное уголовное дело рассматривается как инструмент модернизации судопроизводства, как способ ускорения доступа к материалам и как риск формализации процессуальных гарантий. Представляется, что спор «за» или «против» элек-

тронного уголовного дела уже не соответствует реальному состоянию законодательства. Электронные документы и дистанционные формы участия уже вошли в УПК РФ. Следовательно, вопрос должен ставиться иначе: какая модель электронного уголовного дела позволит сохранить права участников и обеспечить доказательственную надежность [11]?

Первый элемент такой модели — легальное определение электронного уголовного дела. Оно должно быть закреплено в УПК РФ как совокупность процессуальных документов, доказательственных материалов, цифровых носителей, метаданных и служебных записей информационной системы, сформированных, подписанных, полученных или приобщенных в установленном законом порядке. В определение необходимо включить указание на юридическую равнозначность электронного оригинала и бумажного документа при соблюдении требований к электронной подписи и фиксации неизменности.

Второй элемент — единый реестр процессуальных действий и документов. Каждое действие, связанное с созданием, изменением, направлением, просмотром или копированием материала дела, должно оставлять машинно фиксируемый след. Такой журнал не является внутренней технической информацией органа расследования: в пределах, не нарушающих тайну расследования и безопасность участников, он должен быть доступен суду и сторонам для проверки подлинности и полноты материалов.

Третий элемент — дифференцированный доступ. Уголовное дело содержит сведения различной степени чувствительности: данные несовершеннолетних, сведения о потерпевших по делам о половой неприкосновенности, государственную и иную охраняемую законом тайну, персональные данные, материалы оперативно-розыскного происхождения. Поэтому электронное дело не может строиться по принципу «открыть весь массив всем участникам». Требуется ролевая модель доступа, но ограничения доступа должны иметь процессуальную форму, быть мотивированными и подлежать судебной проверке.

Четвертый элемент — цифровой стандарт защиты. Конфиденциальность связи защитника и подзащитного, защищенное хранение материалов, резервирование данных, предотвращение несанкционированного изменения и фиксация технических сбоев должны быть не ведомственными рекомендациями, а условиями допустимости использования электронной формы. Иначе техническая инфраструктура станет слабым звеном процессуальной законности.

Пятый элемент — бумажный резервный контур. На переходном этапе отказ от бумаги в уголовном процессе невозможен и нежелателен.

Бумажный контур нужен для лиц, не имеющих цифровых средств, для ситуаций технической недоступности, для материалов с ограниченным режимом и для проверки электронного массива. Однако резервный контур не должен блокировать развитие электронного дела: бумага должна выполнять гарантийную, а не доминирующую функцию.

6. Предложения de lege ferenda

Проведенный анализ позволяет предложить несколько направлений совершенствования законодательства. Во-первых, в УПК РФ целесообразно включить самостоятельную главу или комплекс норм об электронном уголовном деле. Расположение таких норм в заключительных положениях о бланках и электронных документах недостаточно, поскольку электронное дело затрагивает все стадии процесса: возбуждение дела, расследование, ознакомление, направление прокурору, поступление в суд, судебное разбирательство, апелляцию и исполнение приговора.

Во-вторых, необходимо процессуализировать категорию технической возможности. Отсутствие технической возможности должно оформляться мотивированным постановлением или определением с указанием характера препятствия, срока его устранения и альтернативного способа реализации права участника. Такое решение должно приобщаться к материалам дела и подлежать проверке судом. Это позволит исключить ситуацию, когда цифровое право существует в законе, но исчезает в практике под ссылкой на неработающий сервис.

В-третьих, следует закрепить минимальный стандарт электронного ознакомления с материалами дела: предоставление доступа к перечню материалов, возможность поиска, копирования разрешенных документов, фиксация времени доступа, получение электронного протокола ознакомления, подача замечаний к полноте и качеству цифрового массива. Для обвиняемого, содержащегося под стражей, должен быть установлен специальный порядок обеспечения технического устройства, времени для ознакомления и конфиденциального обсуждения материалов с защитником.

В-четвертых, нормы о видеоконференц-связи требуют детализации в части конфиденциального общения защитника и подзащитного. В законе следует прямо закрепить обязанность суда проверять наличие защищенного канала связи и фиксировать такую проверку в протоколе. При отсутствии возможности конфиденциального общения судебное заседание не должно продолжаться, если дистанционно участвует подсудимый и обсуждается вопрос, затрагивающий его позицию по обвинению, меру пресечения, допустимость доказательств или иные существенные

права.

В-пятых, необходимо установить правила цифровой целостности доказательственных материалов: обязательное указание формата файла, контрольной суммы, источника получения, даты создания или поступления, лица, осуществившего загрузку, а также порядка воспроизведения в судебном заседании. Эти сведения должны включаться в протокол соответствующего процессуального действия или в электронную карточку материала дела.

В-шестых, внедрение элементов искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве должно быть ограничено организационно-аналитическими задачами: поиск по материалам, выявление дублей, проверка сроков, подготовка технических проектов уведомлений. Недопустимо использование алгоритмов для скрытой оценки виновности, прогнозирования наказания или ранжирования доказательств без раскрытия методики и возможности процессуального оспаривания. Уголовное судопроизводство не может быть передано в режим «автоматизированной вероятности», поскольку его предметом является личная уголовная ответственность.

В-седьмых, требуется межведомственная совместимость информационных систем суда, прокуратуры, следственных органов, органов дознания, учреждений исполнения наказаний и адвокатуры. Без такой совместимости электронное уголовное дело распадется на ведомственные фрагменты, между которыми документы будут передаваться как обычные файлы, теряя процессуальную прослеживаемость. Следовательно, нужен единый федеральный стандарт обмена процессуальными электронными документами по уголовным делам.

Заключение

Цифровизация уголовного судопроизводства в России развивается по модели последовательного расширения электронных процессуальных возможностей. Сначала была легализована подача электронных обращений в суд, затем сформирован режим электронных документов в судебном производстве, позднее урегулированы отдельные дистанционные следственные и судебные действия, а с 2024 г. электронная форма была распространена на часть досудебного производства. Эти изменения свидетельствуют о переходе от электронного делопроизводства к цифровой процессуальной форме.

Вместе с тем действующая модель остается фрагментарной. УПК РФ регулирует электронные документы, но не электронное уголовное дело; допускает видеоконференц-связь, но требует дальнейшей детализации конфиденциальной защиты; вводит электронное направление процессуальных документов, но сохраняет зависимость

прав участников от неопределенной технической возможности. Поэтому главный вызов ближайшего этапа состоит не в увеличении числа цифровых сервисов, а в создании процессуально гарантированной цифровой среды.

Электронное уголовное дело должно стать не способом ведомственной оптимизации, а правовым институтом уголовного процесса. Его нормативная модель должна включать легальное определение, правила формирования и хранения, журнал доступа, стандарты цифровой целостности, дифференцированный доступ, гарантии электронного ознакомления, защищенную коммуникацию защитника и подзащитного, а также судебный контроль за техническими ограничениями. Только при соблюдении этих условий цифровизация будет усиливать, а не ослаблять назначение уголовного судопроизводства.

Практический вывод заключается в следующем: электронная форма должна применяться в уголовном процессе по принципу функциональной эквивалентности и гарантийного приоритета. Если цифровой инструмент обеспечивает участнику те же или более высокие возможности защиты, доступа и проверки, чем бумажная форма, он должен внедряться. Если же цифровой инструмент снижает качество участия, конфиденциальность общения или проверяемость доказательств, приоритет должен сохраняться за традиционной процессуальной формой. Такой подход позволяет совместить технологическое развитие с конституционной природой уголовного судопроизводства.

Список литературы:

- [1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
- [2] Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
- [3] Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.
- [4] Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 220-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части применения электронных документов в деятельности органов судебной власти» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3889.
- [5] Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112300163..>
- [6] Федеральный закон от 29 декабря

2022 г. № 610-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212290106..>

[7] Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202312250081..>

[8] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Российская газета. 2017. 29 декабря.

[9] Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Зуев С.В. Электронное уголовное дело: за и против // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4 (19). С. 6–12.

[11] Качалова О.В., Цветков Ю.А. Электронное уголовное дело — инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101.

[12] Кутуев Э.К. Использование видеоконференц-связи при производстве судебных действий по уголовному делу: преимущества, процессуальные проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 1. С. 147–154.

[13] Руденко Д.А. О необходимости внедрения концепции электронного уголовного дела в российское уголовное судопроизводство // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 1. С. 69–76.

[14] Рябчиков С.А. Актуальные вопросы внедрения электронных документов в досудебное производство и формирования электронного уголовного дела // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 215–220.

[15] Осипов А.Л. Актуальные вопросы применения цифровых технологий в уголовном судопроизводстве // Lex russica. 2025. № 3. С. 87–99.

References:

[1] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation dated December 18, 2001 No. 174-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Art. 4921.

[2] Federal Law of April 6, 2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature" // Collection of Legislation

of the Russian Federation. 2011. № 15. Art. 2036.

[3] Federal Law of July 27, 2006 No. 152-FZ "On Personal Data" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 31 (part I). Art. 3451.

[4] Federal Law of June 23, 2016 No. 220-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Use of Electronic Documents in the Activities of Judicial Authorities" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 26 (part I). Art. 3889.

[5] Federal Law of December 30, 2021 No. 501-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112300163..>

[6] Federal Law of December 29, 2022 No. 610-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212290106..>

[7] Federal Law of December 25, 2023 No. 672-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202312250081..>

[8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 26, 2017 No. 57 "On some issues of application of legislation regulating the use of documents in electronic form in the activities of courts of general jurisdiction and arbitration courts" // Rossiyskaya Gazeta. 2017. December 29.

[9] Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2016 No. 251 "On approval of the Procedure for submitting documents in electronic form, including in the form of an electronic document, to the federal courts of general jurisdiction" // SPS "ConsultantPlus".

[10] Zuev S.V. Electronic criminal case: for and against // Law and order: history, theory, practice. 2018. № 4 (19). S. 6-12.

[11] Kachalova O.V., Tsvetkov Yu.A. Electronic criminal case is an instrument for the modernization of criminal proceedings // Russian justice. 2015. № 2. S. 95-101.

[12] Kutuev E.K. The use of video conferencing in the production of court actions in a criminal case: advantages, procedural problems // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1. S. 147-154.

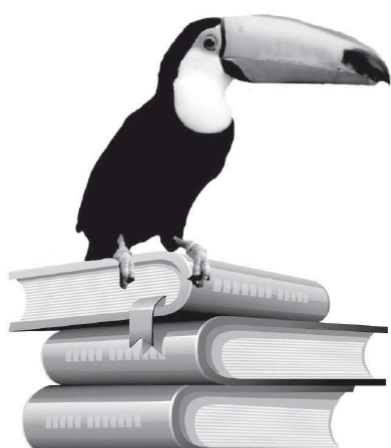
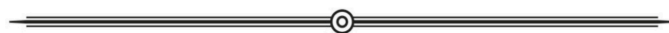
[13] Rudenko D.A. On the need to introduce the concept of an electronic criminal case into Russian criminal proceedings // Legal science and law enforcement practice. 2024. № 1. S. 69-76.

[14] Ryabchikov S.A. Topical issues of the introduction of electronic documents in pre-trial proceedings and the formation of an electronic criminal case // Bulletin of Economic Security. 2024.

№ 2. S. 215-220.

[15] Osipov A.L. Topical issues of the use of

digital technologies in criminal proceedings // Lex
russica. 2025. № 3. S. 87-99.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.